

Спекуляция или спекулятивность? К вопросу об избыточности неймдроппинга

САМСОН
ЛИБЕРМАН

*Спекулятивный аннигиляционизм:
пересечение археологии и вымирания*

МЭТТ РОЗЕН

Пермь: Гиле Пресс, 2021. – 128 с.

Главным теоретическим основанием своего философского проекта, изложенного в книге «Спекулятивный аннигиляционизм», Мэтт Розен считает спекулятивный реализм образца «После конечности» Квентина Мейясу¹. Однако, если говорить совсем грубо, сам способ встраивания в традицию, предложенный Розеном, слишком напоминает пустой неймдроппинг. Цель рецензии – выстроить для книги Розена альтернативный авторскому вариант преемственности с существующей философской традицией и поместить спекулятивный аннигиляционизм в контекст экзистенциализма и теологического поворота в феноменологии. Врачуя подобное подобным, мы предложим свой вариант «контрнеймдроппинга», кажущийся нам менее пустым и более подходящим к содержанию философского проекта автора.

Мэтт Розен – докторант Оксфордского университета, молодой автор, о котором на русском языке совсем нет материалов, а на английском – почти нет. Судя по его резюме² на сайте Оксфордского университета, Розен закончил бакалавриат по философии в 2020 году. В 2019-м он выпустил первую книгу, а уже через год выступил составителем сборника эссе «Diseases of the Head: Essays on the Horrors of Speculative Philosophy»³. Обе книги объединены интересом к модной теме хоррор-философии.

Помимо этой области, в резюме также указан интерес к феноменологии и теологии, что важно держать в уме при чтении

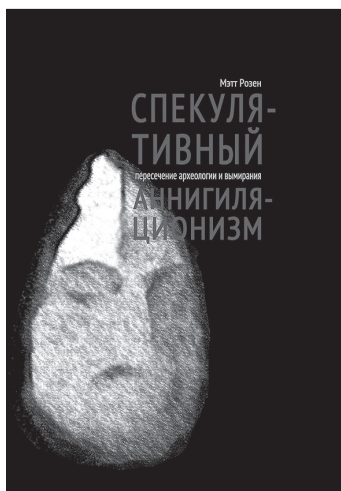

Самсон Александрович
Либерман (р. 1993) –
доцент кафедры соци-
альной философии Казан-
ского (Приволжского)
федерального универси-
тета, автор телеграм-
канала «Локус» (@locus_
vocis).

1 См.: Мейясу К. *После конечности. Эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.

2 См.: https://philpeople.org/public_cache/file?content_type=application/pdf&key=glxtifs8ajwm4nx9d6wq9k8j2p1w.

3 ROSEN M. *Diseases of the Head: Essays on the Horrors of Speculative Philosophy*. Goleta: Punctum Books, 2020.

книги. Увлечение квакерами и конкретно темой «свидетельств» в их учении заметно и в некоторых статьях, и в диссертации, и, как мы увидим, в рецензируемой книге. Также одно из нынешних мест работы Розена – это квакерский колледж «Вудбрук». Именно эта теологическая составляющая концепции спекулятивного аннигиляционизма придает ему специфику и выделяет на фоне привычных русскоязычному читателю спекулятивных⁴ проектов.

Однако это влияние на первый взгляд практически не заметно: в самой книге явных теологических референций почти нет, этот след напрямую виден только в названии: аннигиляционизм – течение в христианстве, оспаривающее бессмертие души, возможность воскресения грешников после Страшного суда и вечность их мук. Ни одной ссылки на теолога или философа религии мы здесь не найдем, если, конечно, не считать теологами Резу Негарестани и Ника Ланда.

На наш взгляд, из всех знакомых русскоязычному читателю концепций, самой близкой к спекулятивному аннигиляционизму, является феноменология откровения Жана-Люка Мариона⁵ и ее разворот в сторону материализма, проделанный Йозелем Регевым⁶. Логика «данности не-данного», то есть откровения, прорыва потустороннего в сферу опытного и феноменального, может дать приблизительное представление о том, как Розен предлагает мыслить смерть и конец света. На эту близость указывает и оговоренное квакерство автора, с его концепцией имманентного человеку присутствия божества, а также внимание к свидетельствам трансцендентного, о котором мы уже сказали.

Вполне возможно, Жан-Люк Марион и Йозель Регев посчитали бы проект Розена недостаточно радикальным, поскольку он понимает суть данности и феноменальности слишком «похайдеггеровски» – через не-данное, отсутствие и стремление к Ничто. Хотя сам Мэтт Розен пытается мыслить Ничто спекулятивно, то есть как онтологическое качество самой реальности, вслед за Рэем Брассье и Квентином Мейясу. Однако об этом чуть позже.

4 В самых общих чертах под спекулятивностью имеется в виду возможность мыслить нечто, что принципиально не дано в опыте и существует независимо от него (то есть не только независимо от содержания опыта, но и от форм языка, социальных и политических предпосылок, научных парадигм, свойств мышления/восприятия и так далее). Квентин Мейясу предлагает называть спекулятивной любую философию, настаивающую на возможности доступа к Абсолюту: MEILLASSOUX Q. *Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign* (https://cdn.shopify.com/s/files/1/0069/6232/files/Meillassoux_Workshop_Berlin.pdf).

5 См.: МАРИОН Ж.-Л. *Метафизика и феноменология – на смену теологии* // Логос. 2011. № 3. С. 124–143.

6 РЕГЕВ Й. *Невозможное и совпадение: о революционной ситуации в философии*. Пермь: Гиле Пресс, 2016. С. 22.

Сама книга очень неровная и после прочтения оставляет соответствующее впечатление. Первая глава кажется почти дословным пересказом первой же главы «После конечности» Квентина Мейясу. Однако акцент здесь перенесен с возможности мыслить неявленное и не-данное в сознании прошлое⁷ на возможность мыслить Другое сознание из прошлого.

При этом фигура Другого не-человечна, пусть и очень близка к человеку – речь идет об австралопитеках. Этот феноменологический поворот исходных положений Мейясу в начале книги Розена остается почти незаметным: тень самого Мейясу, который как раз и видит феноменологический проект главным своим оппонентом, ярчайшим примером корреляционизма (позиции, предполагающей невозможность мыслить нечто-в-себе, без корреляции с мышлением и восприятием), не дает его рассмотреть.

Увлеченные пересказом Мейясу на новом материале и обещаниями новых спекулятивных поворотов, мы обнаруживаем во второй главе утверждение о необходимости и неизбежности смерти (с. 31). Это положение вводится безо всяких аргументов и в полном противоречии с концепцией контингентности только что пересказываемого Мейясу. Мало того, у последнего мы можем найти прямое возражение подобному фатализму:

«Утверждать, что все должно необходимо погибнуть, было бы все еще метафизическим допущением. [...] [Оно] все еще подчиняется принципу достаточного основания. [...] Но непонятно, [...] из чего следовала бы необходимость уничтожения, а не сохранения. [...] Может произойти все что угодно – даже то, что ничего не произойдет и все останется как есть»⁸.

После обещаний продолжения посткантовских рассуждений мы попадаем в самую что ни на есть метафизику. А так как это противоречие никак не объясняется, возникает ощущение, что нас или считают за дураков, надеясь, что мы не заметим противоречия, или автор сам его не видит. Однако здесь мы имеем дело скорее с авторской манерой изложения. В то время как Мейясу строит свои эссе как разбор диспутов и полемики с воображаемыми оппонентами, Розен предпочитает обходить

7 У Квентина Мейясу речь идет о возможности мыслить события прошлого, предшествовавшие всякой жизни и, соответственно, сознанию. Например, современная археология при помощи радиоуглеродного датирования может выдвигать утверждения относительно возраста планет. События, относящиеся к эпохе до существования сознания (то есть не-данными никому в опыте), он называет «доисторическими». Проблемность же разговора о доисторическом связана с ограничениями, накладываемыми кантовским проектом критической философии, предписывающей говорить о вещах только как о феноменах сознания, «вещах-для-нас», конструируемыми сообразно неким априорным формам мышления, чувственности и так далее.

8 Мейясу К. *Указ. соч.* С. 89.

острые углы, выдергивая нужные ему тезисы у предшественников и игнорируя противоречашие. В результате возникает ощущение отсутствия аргументации или ее имитации.

Вторая глава только усиливает ощущение разочарования от непроговоренных противоречий с цитируемыми концепциями. Здесь мы обнаруживаем еще более грубые и прямые пересказы и цитаты с подменой слагаемых (прямая цитата с последующим предложением заменить подлежащие на «вид-к-вымиранию») из Мартина Хайдеггера, Анри Бергсона и Фридриха Шеллинга. Они нужны, чтобы ввести еще несколько концептов.

Подставив у Хайдеггера вместо «человека» «вид», Розен получает экстинкциональный «вид-к-вымиранию» вместо экзистенциального «бытия-к-смерти» (с. 41). «Образы» Анри Бергсона, также подмененные в цитате на «виды», дают возможность говорить об экстинкциональности имманентной смертности видов (с. 42). И, наконец, заменив «продукты» у Фридриха Шеллинга на все те же «виды», мы получаем уже вполне метафизический «вид-к-вымиранию», существующий всегда против природы как исключение из всеобщего природного процесса распада и вымирания (с. 44–45). Если говорить коротко, экстинкциональность, противопоставляемая экзистенции, – это необходимая и неотвратимая, а потому в некотором смысле присутствующая в настоящем угроза смерти. Такая экстинкциональность (понятая как «уничтожимость» и «преходящесть») понимается как сущностная черта всего существующего. Именно этот общий горизонт вымирания Мэтт Розен выводит в качестве онтологического основания мира.

При этом ни выбор цитат, ни выбор замен в них, ни, что самое главное, происходящие от этих манипуляций изменения в исходных концепциях никак не рефлексированы и не объясняются. Как верно подметил один из комментаторов Розена, «здесь мы имеем дело с волюнтаризмом вместо аргументации»⁹. И это впечатление только усиливается со следующими главами. Так, в пункте, который называется «3.3. Отношение подведения» (с. 54), нам четыре раза повторяют одну и ту же мысль – два раза развернуто, с пояснениями и ссылками на предыдущие главы; два раза – в виде формулы:

1. Экстинкциональность (А) не отделима от видовой сущности (В).
2. Видовая сущность (В) проявляется материально (С).
3. Экстинкциональность (А) проявляется материально (С).

То есть вместо одного абзаца нам приходится иметь дело с тремя страницами, но с повторением одного и того же – и по-прежнему без аргументации.

9 См.: www.youtube.com/watch?v=Phdf5-HKmiI.

Четвертая и пятая главы нужны, чтобы обосновать: 1) сведение феноменального к материальному, чтобы объявить проблеме «летучей мыши» Нагеля псевдопроблемой; 2) использование аналогии между материальностью-экстинкциональностью археолога и материальностью-экстинкциональностью австралопитека, чтобы разрешить первому мыслить второго именно как австралопитека, а не австралопитека-для-нас. Разрешить мыслить австралопитека и не воскрешать его в качестве человека – именно так была сформулирована цель книги в первой главе.

Итак, начинается книга с подмены вопроса Квентина Мейясу о мыслимости не-данного прошлого вопросом о мыслимости другого, причем не-человеческого и вымершего, сознания. Далее эта проблематичность Другого снимается: 1) метафизической общностью всего существующего через горизонт смертности и существования понятого как вымирание; 2) сведением феноменального к материальному; 3) возможностью аналогии между свидетельствами одного вида-к-вымиранию и другого.

Таким образом, первые пять глав производят странное впечатление. И виной этому: 1) уже упомянутая манера избегания полемики и рефлексии своих источников; 2) чрезмерная формализация и структурность, как в случае с силлогизмом из 3.3; в) постоянное повторение предыдущих тезисов, занимающее треть текста каждого нового пункта. Все это вкупе дает то самое ощущение плохо прикрытого «волюнтаризма вместо аргументации», или пустого неймдроппинга, о котором мы сказали в начале рецензии.

СПЕКУЛЯТИВНЫЙ АННИГИЛЯЦИОНИЗМ – ЭТО ОКСЮМОРН?

Чтобы перейти к шестой главе, необходимо разобрать основное противоречие книги, вынесенное в ее название. Спекулятивность отсылает к моднейшему движению в современной философии, маркируемому как «спекулятивный реализм». Своей задачей оно так или иначе провозглашает преодоление и переопределение заданной Иммануилом Кантом конечности человеческого познания. «Перл» Рэя Брассье¹⁰, «корреляционизм» Квентина Мейясу, «двойной срыв» Грэма Харма-

10 «Перлом» (*the Gem*) Брассье вслед за Дэвидом Стоувом называет аргумент, классически сформулированный Джорджем Беркли в «Трактате о принципах человеческого знания». В общем виде этот аргумент звучит так: «Нельзя познать независимую от разума реальность, не познавая её. Следовательно, нельзя познать независимую от разума реальность». Подробнее см.: БРАССЬЕ Р. *Понятие и объекты* // Логос. 2017. № 3. С. 227–262.

на¹¹ – все это обозначения теоретических позиций и их аргументации о конечности и ограниченности человеческих, в первую очередь познавательных, способностей. Эти позиции в некотором смысле изобретаются спекулятивными реалистами, чтобы их преодолеть. То есть спекулятивность философского проекта заключается в попытке преодолеть «Перл», «корреляционизм», «двойной срыв».

Иммануил Кант и (как считают спекулятивные реалисты) вся последующая традиция вплоть до недавнего времени утверждают невозможность познания и доступа к вещам-в-себе. Спекулятивные же проекты продумывают возможности мыслимости и наблюдения этого внечеловеческого, внесубъективного и внемыслимого. Например, для Мейясу гарантом такой возможности является математика, методология и онтология которой, по его мнению, выходит за границы человеческих способностей.

Однако аннигиляционизм – это учение о всеобщей смертности и конечности. Надо сказать, что, несмотря на близость к здравому смыслу («мы все умрем»), учение о тотальной смерти и конце мира на фоне классической философии выглядит оригинально. Бытие и материя у греков, бог в религиозном Средневековье, субстанция в Новом времени – философия склонна работать с вечным и неизменным, противопоставляя свой предмет изменчивой и преходящей обыденности.

Эта оригинальность родом из неклассической философии рубежа XIX–XX веков, когда негативность, ничто, отрицание становятся главным предметом философии¹². Мало того, это именно та особенность, которую спекулятивный проект считает главным недостатком современной философии – зацикленность на невозможности, конечности и предельности. И если спекулятивный реализм – это дословно наблюдение (*speculare*) реальности, то спекулятивный аннигиляционизм – наблюдение уничтожения и конечности.

Таким образом, главный тезис Мэтта Розена имеет два разных, зачастую противоречащих друг другу основания. Первый – про спекулятивность – отсылает к компании Мейясу и Брассье, второй – про всеобщую конечность – к Эммануэлю Левинасу и Мартину Хайдеггеру. Розен, на первый взгляд, сам

11 Имеется в виду двойная редукция объекта: с одной стороны, к его частям; с другой, к отношениям и проявлениям. Объект (например ноутбук, на котором набран этот текст) больше как суммы частей, из которых он состоит, так и суммы проявлений, что мы можем зафиксировать (сам текст, тепло от процессора, цвет корпуса и так далее). Подробнее см.: ХАРМАН Г. *Имматериализм. Объекты и социальная теория*. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.

12 Очень подробно эту линию развития современной философии рассматривает Диана Гаспарян: ГАСПАРЯН Д. *Социальность как негативность*. М.: КДУ, 2007. Позже мы вернемся к этой линии рассуждения в контексте разговора об антиимманентистских философских проектах, с которыми спекулятивный аннигиляционизм имеет прямую преемственность.

не замечает этого конфликта внутри своего заглавного концепта. И если Грэм Харман рефлексивизирует и дорабатывает построения Хайдеггера, чтобы включить их в свой спекулятивный проект, то наш автор скорее искажает и подгоняет под Хайдеггера «темное левинасианство» самих Мейясу и Брассье.

И, соответственно, в книге Розена можно найти два совершенно разных спекулятивных аннигиляционизма. Первый (собственно спекулятивный) выстроен практически один в один с «доисторическим» Мейясу, второй (собственно аннигиляционизм) является разработкой идеи Левинаса о связи Смерти и Другого. И последний кажется нам гораздо интереснее и оригинальнее.

Так можно было бы себе представить аннигиляционизм Розена не спекулятивным? Скорее нет, чем да. Сама попытка рассмотреть конечность и ограничение как позитивное онтологическое утверждение – это, может быть, и есть основной нерв спекулятивного проекта. Владение этим ходом Мэтт Розен не устает демонстрировать. Так же, как из нигилизма Фридриха Ницше Брассье выводит онтологическую возможность истины, Мейясу из фактичности – фактуальность и онтологическую контингентность, Мэтт Розен выводит из эмпирической экстинкциональности видов (неизбежное их вымирание, иногда данное нам через свидетельства артефактов, как в случае с австролопитеками) онтологическое положение о существовании-к-вымиранию, аннигиляционизм.

Однако, если добавить сюда квакерское внимание к «свидетельствам», которое можно развернуть через Жана-Люка Мариона и его феноменологию откровения, мы получим более полную картину. Невозможность сведения трансцендентного к его явленности и при этом утверждение возможности мыслить его не-данность и не-явленность благодаря этим явлениям и свидетельствам – тезис, разделяемый и Розеном, и Марионом.

Как нам кажется, спекулятивный аннигиляционизм становится гораздо интереснее, если рассматривать его в контексте не спекулятивных, а антиимманентистских и теологических проектов. Частично этот контекст есть в шестой – заключительной и самой важной – главе, частично нам пришлось восстанавливать его самостоятельно.

«БЕЗУМНОЕ ТЕМНОЕ ЛЕВИНАСИАНСТВО»

Итак, гораздо более подходящим ходом мысли автора, чем спекулятивный реализм, нам кажется другое, не менее популярное направление философствования, идущее от Ника Лан-

да и Резы Негарестани. И здесь Мэтт Розен может выглядеть даже интереснее классиков «безумного черного делёзианства», в том числе потому, что он четче выстраивает преемственность (что неожиданно, учитывая наши прошлые к нему претензии) с предыдущими традициями.

Философский хоррор и прочие *dark studies* обычно много и подробно прорабатывают Жиля Делёза, называя его главным своим предтечей. Однако при знакомстве с Розеном становится очевидным влияние на эту традицию экзистенциализма и феноменологии – влияние, которое, как нам кажется, не отрефлексировали ни Негарестани, ни Ланд. И здесь можно вспомнить не только уже несколько раз упомянутых Хайдеггера и Левинаса, но и Альбера Камю, и Жан-Поля Сартра, и, например, феноменологическую социологию Жана-Люка Нанси.

Главное, что объединяет Негарестани, Ланда и Розена, – попытка овнешнения и онтологизации или даже материализации Ужаса и Смерти. Ланд и Негарестани постоянно ссылаются на солярную экономику Батая и Гегеля, прочитанного через Александра Кожева. Однако, в отличие от последних, пресловутый конец истории, экстаз и смерть они рассматривают не как внутреннюю имманентную необходимость, но как внешнюю угрозу.

Например, ландовский виртуальный ТехноКапитализм – это внешний захватчик из виртуального будущего, буквально Чужой, вторгающийся в актуальное и готовящий плацдарм для будущего своего господства¹³. Будущее, которое подчиняет себе настоящее в качестве конечной цели последнего, – вполне гегельянская концепция. Однако здесь это будущее не имманентно настоящему, оно Чужое, *from outside*, хотя и имеет внутри настоящего своих инсайдеров, своеобразную пятую колонну. И если у Жоржа Батая Солнце является первоисточником всего, в том числе и смотрящих на него глаз, то есть оно имманентно настоящему, то у Ника Ланда будущее всегда чужеродно¹⁴.

Реза Негарестани в «Циклопедии» также разбирает отношение солярного и земного. И грядущий солнечный взрыв, экстаз и имманентность Земли с Солнцем он также склонен рассматривать скорее в параноидальной перспективе, нежели в шизоидной, то есть как Внешнюю угрозу, а не как внутренний имманентный конфликт¹⁵. Однако прямое противостояние с Солнцем оказывается не в интересах Земли: в конце концов, последняя проиграет и сольется в экстазе с Солнцем (солнеч-

13 См.: Ланд Н. *Сочинения: В 6 т.* Пермь: Гиле Пресс, 2018. Т. 2 («Киберготика»).

14 Примечательно, что примером мышления-вымирания и вымирания-мышления Мэтт Розен выбирает капитализм, причем именно в ландовской его трактовке.

15 См.: НЕГАРЕСТАНИ Р. *Циклопедия: соучастие с анонимными материалами.* М.: Носорог, 2019.

ный взрыв, тотальная имманенция всего со всем, опустынивание и так далее).

Единственным возможным ответом на вызов Солнца, по мнению Негарестани, может быть уклонение от прямого столкновения, уклонение от имманентизации – гниение и распад. Метафорой последних в романе «Циклопедия» служит Нефть – продукт перегноя, давления, скрывающийся не в глубине, но под поверхностью, имеющий энергетический потенциал, альтернативный солнечному.

Мэтт Розен использует оба хода: и ландовское овнешнение Смерти в качестве виртуального будущего (именно для этого нужен антиконтингентный ход с «причинными часами», показывающими неизбежную смерть и как уже присутствующую, и как все еще не случившуюся), и материализацию смерти в качестве гниения и распада, как у Резы Негарестани – только уже не в Нефти, а в материальных артефактах и червяковой диалектике (с. 74–75). Однако, в отличие от них обоих, своей главной методологической опорой он считает не солярную экономику Батая и даже не ризомы Делёза, а левинасовскую концепцию смерти как по-декартовски перво-очевидной непознаваемости и «друговости». Чтение Левинаса в контексте спекулятивного реализма действительно эвристично:

«Самоотождествление есть загроможденность субъекта собою, забота Я о Самом Себе. [...] Если отвлечься от всякой связи с будущим и прошлым, то субъект оказывается навязан самому себе. [...] Его одиночество изначально не в том, что он беспомощен, а в том, что он предоставлен на растерзание самому себе, вязнет в себе»¹⁶.

Это еще не Квентин Мейясу, но уже почти Жиль Делёз, с его бунтом против идентичности и самотождественности.

Вообще связка друговости и смерти сильна именно в экзистенциальных и феноменологических проектах. «Ад – это другие» Сартра является одной из самых известных формулировок, но не единственной. Однако обе эти традиции склонны рассматривать смерть и ее абсурдность как экзистенциалы и пределы своего «я». Ответ на столкновение с собственными границами чаще всего связывается с трагичностью, принятием и мужественностью, то есть усилением позиций субъекта. Подобное представление об абсурде мы найдем и у Серена Кьеркегора, и у Альбера Камю, и у Жана-Поля Сартра. На это расхождение с собственной позицией указывает и Эммануэль Левинас, когда полемизирует с Мартином Хайдеггером о «бытии-к-смерти» и *Dasein*¹⁷.

16 Левинас Э. *Время и другой. Гуманизм другого человека*. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 63–64.

17 Там же. С. 69–70.

Таким образом, преемственность с традицией можно выстроить следующим образом: 1) экзистенциальный Абсурд, то есть существование, которое предшествует сущности; 2) постфеноменологическое «*il y a*», то есть анонимное существование без существующего Эммануэля Левинаса; 3) спекулятивный «мир-без-нас», предел и граница между «миром-для-нас» и «миром-в-себе» Юджина Такера¹⁸.

Еще одной концепцией, прямо увязывающей друг с другом смерть и мыслимость другого, является идея «непроизводимого сообщества» у Жана-Люка Нанси. Именно неполнота и конечность, предельность человеческого существования, крайним выражением которой является смерть, является событием, организующим сообщество¹⁹. Нанси полемизирует и с Хайдеггером, и с Батаем. Он отрицает и возможность понимания общества как единого, основанного на общей Земле и Крови, и представление о сообществе как событии слияния, экстаза – например, слияние любовников в совместной смерти или Жертве.

В отличие от Батая и Хайдеггера, Нанси предлагает понимать сообщество как исключение и отпадение от общей практики, то есть не как имманентность, но как прерывание имманентности. Так же, как коммуникация вызвана онтологическим различием и несовпадением, то есть невозможностью коммуникации, и сообщество всегда оказывается невозможным сообществом.

Таким образом, событие сообщества у Нанси – это исключение, а его распад – правило. Сообщество всегда уже случилось и всегда распадается. И, несмотря на то, что прямых ссылок на Жан-Люка Нанси у Мэтта Розена нет, его представление о становлении-к-вымиранию очень похоже на угасание непроектируемых и непроектируемых сообществ.

Итак, имманентистские проекты (Жорж Батай, Георг Гегель, Мартин Хайдеггер) склонны видеть в смерти полноту и сбытие, совпадение и тождество, тогда как Жан-Люк Нанси и Эммануэль Левинас настаивают на представлении о смерти как открытии Другого. Последний выводит из опыта смерти возможность диалога и разотождествления с собой, Жан-Люк Нанси же говорит о сообществе.

Несмотря на попытки выхода из феноменологического и экзистенциалистского солипсизма (имманентизма), они оба остаются в рамках «человеческого, все еще слишком человеческого». Розен же (вслед за Негарестани, Ландом и Такером) совершает овнешнение, онтологизацию и материализацию смерти и, соответственно, Другого. Однако, как нам кажется,

18 См.: ТАКЕР Ю. *Ужас философии: В 3 т.* Пермь: Гиле Пресс, 2017.

19 См.: НАНСИ Ж.-Л. *Непроизводимое сообщество.* М.: Водолей, 2009.

в проекте Розена антиимманентистский мотив, доставшийся в наследство от Эммануэля Левинаса, чувствуется гораздо сильнее, чем «машинность» и «ризоматичность» темного делёзианства.

Мало того, Розен помогает разглядеть это «антиимманентистское наследство» и у Негарестани, и у Ланда. В конце концов, все мы немного устали от Делёза. Рискнем предположить, что вклад антиимманентистов в современную философию не меньше, а может, и больше, чем вклад суперимманентиста Жюлья Делёза. И наверняка этот вклад заметно больше, чем мы привыкли считать. И совершенно точно, что он больше, чем полагал автор этой статьи до чтения «Спекулятивного аннигиляционизма».

САМСОН ЛИБЕРМАН
СПЕКУЛЯЦИЯ ИЛИ
СПЕКУЛЯТИВНОСТЬ?..

ВМЕСТО ВЫВОДА

Книга Мэтта Розена представляет нам интересный и оригинальный философский проект, суть которого может быть сведена к возможности мыслить Другого как вымиряющего и смертного – при условии смены собственной метафизической оптики на аннигиляционистскую. Важным является предположение «материальности» этого вымиряния. Именно работа со «свидетельствами» этой смерти как абсолюта, позволяет нам преодолеть собственную конечность.

Однако, чтобы разглядеть этот проект в самой книге, нужно затратить некоторые усилия, продираясь сквозь странный стиль аргументации, зачастую пустой неймдропинг и постоянные повторения не очень важных для самого проекта положений. А главное, необходимо постоянно держать в уме феноменологические и теологические основания авторских позиций, которые почти не артикулируются в самой книге. На наш взгляд, не упомянутые в книге Жан-Люк Марион и Жан-Люк Нанси могут помочь лучше понять значение и оригинальность подхода Мэтта Розена.